

Расторгев Николай

С «ЛЮБЭ» — ХОТЬ В РАЗВЕДКУ

Солист Николай РАСТОРГУЕВ раскрывает тайну названия популярной группы
ГРД 1995

По традиционной терминологии сцены, Николай Расторгев — конечно же, положительный герой: мужественный, открытый, рассудительный. С таким, как говорится, можно идти в разведку.

У него и биография подходящая. В самом деле: родился и вырос в трудовой семье. Отец — шофер, до сих пор работает — правда, в новом для себя качестве, как «водитель солиста группы «Любэ». Мать — домохозяйка, а по совместительству портниха. Родители воспитывали парня и его младшую сестренку в строгих правилах, так что был Коля поначалу (сейчас это трудно себе представить) очень застенчивым, можно даже сказать, закомплексованным ребенком.

— Никаких особых способностей я тогда не проявлял, — признается «положительный герой». — Правда, был спортивным парнем, примыкал к группе, которая в классе верховодила.

— А когда появился интерес к музыке?

— Уже подростком (в детстве, к сожалению, музыке не учился) я совершенно неожиданно для себя и окружающих начал петь. Толчком послужил фильм «A hard day's night», в котором звучали песни ансамбля «Битлз». Они мне настолько понравились, что я переписал их и прокручивал сотни раз, потом начал подражать исполнителям. Ни с кем из преподавателей пения я не занимался. И, может быть, это к лучшему — сделали бы из меня обычного хориста...

— Помните ваш первый выход на сцену?

— Это было в школе, на новогоднем вечере. Было мне в ту пору около 16 лет. Мы с ребятами уже знали почти весь репертуар «битлов» и вот решили выступить. Каким-то чудом удалось взять напрокат в Театре Советской армии костюмы гусар (оделанные для спектакля «Гусарская баллада»). И, представляете, был успех. Но это не помешало мне поступить в Московский институт легкой промышленности, где из меня должны были сделать специалиста по кожевенно-обувному делу. Каковы, как видите, я не стал: недочувавшись, покинул стены уважаемого вуза и в 1978 году уже числился солистом группы «Шестеро молодых». Потом было много чего — ВИА «Лейся, песня», группа «Рондо»... С 1986 года началась совместная работа с композитором и продюсером Игорем Матвиенко, под чьим руководством я работал солистом в группе «Здравствуй, песня», а с 1989 года — во вновь созданной группе «Любэ».

— Название это принято связывать с «люберами», тем более что свои первые шаги на самодеятельной сцене вы сделали в Люберцах, откуда и пошла небезызвестная группировка. Есть ли какая-то связь между этими словами?

— Абсолютно никакой. Слово «Любэ» пришло из нашего ребячего сленга, которым мы так активно пользовались в наши школьные годы. Но уж коль речь зашла о «люберах», то мне хочется сказать, что я не питая к ним антипатии, столь распространенной благодаря журналистам, которые создали этой группировке нехорошую славу. На самом деле все значительно проще: молодежь всегда любила кучковаться, не были исключением в этом отношении и люберецкие ребята. Их группировка создавалась как «альтернативная» металлистам, панкам. Они и внешне были другими: спортивные, с короткими стрижками. Кстати, их девизом было: не брать в рот спиртного и не курить. Что тут плохого?

Бывали, конечно, пережимы, когда ребята силой доказывали свою правоту — например, во время вояжей в Парк Горького. Но это же не носило криминального характера — так проявлялся юношеский максимализм. Ну и, может, некоторый избыток сил, кураж...

— Что ж, примем вашу версию к сведению. Тем более что идея «пор-р-рядочка», ради на-ведения которой можно и силу употребить, от-части повлияли и на вас. Не отсюда ли ваша военная форма, выпрямка, жесткий стиль исполнения?

— Может быть. Хотя идея использовать такой костюм не моя — она пришла в светлую голову Аллы Борисовны Пугачевой, пригласившей как-то меня принять участие в «Рождественских встречах». Надо отдать должное Алле Борисовне: с моим имиджем она «попала в десятку».

— Значит, в ближайшем будущем вы не собираетесь его менять?

— Не вижу в этом смысла. Публике нравится. Так что ни перекраивать костюм, ни делать пластическую операцию я не намерен.

— Традиционный в наши дни вопрос: верую-щий ли вы человек?

— Время было такое, что нас воспитывали атеистами. И сейчас, когда я задумываюсь над вопросом, есть ли Бог, то мне, если честно, сложно дать однозначный ответ. Несомненно, я верю в Судьбу, в то, что существует некая Сила, которая нас направляет. Сам я крещеный, а недавно окрестил младшего сына...

— Сколько ему лет? Как его зовут?

— Моему младшему ребенку (от второго брака) — всего годик. Назвали его Николай (второй). А старшему сыну Павлу уже 17 лет, он заканчивает училище и получает специальность автослесаря. Вероятнее всего, будет поступать в институт.

— Николай, сейчас вы, очевидно, обеспечен-ный человек, живете в своем мире, куда вряд ли долетает ветер трудностей, которые испы-тывают большинство ваших слушателей...

— О, не скажите! Во-первых, экономическая ситуа-ция в стране влияет на все, в том числе и на посе-щаемость наших концертов. Ведь если у человека проблема с деньгами, то он не будет задумываться над вопросом: купить колбасы или же остатки го-лодным, но пойти «на Расторгева». Ну а если гово-рить о моих гонорарах, то их даже с большой натяж-кой нельзя назвать баснословными. Даже хорошую квартиру я себе купить пока что не могу.

— Так это правда, что вы живете на окраине Москвы, в отнюдь не престижном районе, в ма-ленькой квартире?

— Да, наш район, хотя он и расположен поближе к природе, фешенебельным никто не называет. Квартира у меня более чем скромная.

Я уже давным-давно не отыкаю. Времени для этого нужного дела не находил. Постоянно в работе, «в струне»: репетиции, гастроли, концерты, за-писи и даже участие в фильме «Зона Любэ», снятом Дмитрием Золотухиным.

— И вы до сих пор не побывали ни на Гавайс-ких, ни на Канарских островах?

— Представьте себе, нет. Но вы мне подали хоро-шую идею.

Вела беседу Флора КАЛИНКО.
Фото Валерия УТЦА.